

Д. А. Кунильский
Петрозаводск

DOI: 10.15393/j9.art.2011.315

ТЕМА БРАЖНИКА У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И К. АКСАКОВА

Исследования, посвященные проблеме «Достоевский и славянофиль», как правило, строятся на материале журнальных статей, без привлечения художественных текстов Достоевского. Если же объектом анализа все-таки становятся художественные произведения, то зачастую выбираются те из них, в которых элемент публицистики необычайно силен. В качестве примера можно указать на «Зимние заметки о летних впечатлениях». Однако «славянофильский» пласт ощутимо присутствует и в романах «великого пятикнижия», где можно услышать отзвуки религиозных настроений одного из лидеров «славяно-христианского направления» К. С. Аксакова.

В шестом номере «Русской беседы» за 1859 год Н. Я. Аристовым была опубликована древнерусская «Повесть о бражнике» (XVII век), небольшую сопроводительную статью к которой написал Константин Аксаков. Герой повести, бражник, провел всю жизнь в пирах и веселье. Когда он умер, святые не хотели пускать его в рай, ибо «бражникомъ здѣ не входимо»¹, но, поочередно споря с апостолами Петром и Павлом, ветхозаветными царями Давидом и Со-

ломоном, Иоанном Богословом, бражник доказал, что его поведение не противоречило христианским заповедям. Пересказывая и комментируя текст повести, К. Аксаков затрагивает широкую тему усвоения христианства на русской почве, говорит о своем понимании евангельских идеалов.

В отличие от исследователей более позднего времени, подчеркивавших сатирическую направленность произведения², К. Аксаков обратил внимание на его положительный, жизнеутверждающий характер:

Оправдано веселье и радость жизни. Пусть жизнь будет нескончаемый пир, пусть наслаждается человек всеми земными благами, пусть радуется все дни свои. Эту радость, это веселье жизни — благословляет русская народная повесть³.

Принципиально важным для Аксакова в этой связи становится разграничение бражничества и пьянства:

Бражничество и пьянство: это два понятия и два слова — совершенно разные. Бражник не значит: пьяница. Бражник (оставляем здесь в стороне словопроизводство) значит: человек пирующий, охотник до пиров и, следовательно, непременно пьющий вино, ибо вино, с древних лет, есть принадлежность, есть душа пира. Но бражник может пить вино на пиру, не переходя в излишество, не упиваясь, и быть бражником в полном смысле. Бражник — человек в веселье, в пирах, со стаканом в руке проводящий время свое⁴.

В противном случае оправдывался бы один из тягчайших грехов, чего, конечно, не могло быть в древнерусском тексте. Итак, представленный в повести бражник, говоря словами Аксакова, «человек чистый и высоконравственный», который «по все дни Божии пил, но за всяким ковшом славил Бога», у него нет «пороков и грехов, заслуживающих упоминования, препятствующих войти в рай»⁵.

Можно заметить, что взгляды Аксакова не противоречат толкованию, данному одним из церковных деятелей.

² См., напр.: *Адрианова-Перетц В. П.* Историко-литературный и реальный комментарий // *Русская демократическая сатира XVII века.* 2-е изд., доп. М., 1977. С. 213—215.

³ *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 415.

⁴ Там же. С. 413.

⁵ Там же. С. 413, 414.

© Кунильский Д. А., 2011

¹ Повесть о бражнике / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 222—224.

Архиепископ Аверкий в комментариях к Новому Завету, говоря о чуде, которое совершил Иисус в Кане Галилейской, замечает:

Конечно, Господь Иисус Христос не принял бы участия в таком пиршествe, где были или могли быть пьяные. Цель чуда — доставить радость бедным людям, справлявшим свое семейное торжество, в чем сказалась благодать Господа⁶.

Образ Каны Галилейской вызывает в памяти роман Достоевского «Братья Карамазовы», главному герою которого Алеше известная евангельская сцена пригрезилась во сне. К этой великой книге мы еще вернемся, а пока обратим внимание на другое произведение Достоевского, роман «Преступление и наказание», где в «патетической речи» Мармеладова Л. М. Лотман находит «своеобразное и сложное соотношение с легендой» о бражнике⁷. Доказывая факт знакомства писателя с древнерусской повестью, Лотман пишет:

Убеждение Мармеладова, что именно в отношении к греху пьянства, греху позорному и грязному, проявится все милосердие Христа, должно быть сопоставлено с легендой о бражнике, которая ко времени работы Достоевского над этим романом была уже трижды опубликована⁸.

Если предположить, что с повестью о бражнике Достоевский был знаком по публикации в журнале «Русская беседа», «находившемся в поле зрения» писателя, то, без сомнения, предисловие К. Аксакова также не прошло мимо него незамеченным. Такого взгляда придерживается Л. М. Лотман, по мнению которой, в речи Мармеладова можно услышать полемический отклик на идеи древнерусской повести в истолковании славянофильского автора. Вот что говорит Мармеладов у Достоевского:

⁶ Аверкий, архиепископ. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета: Четвероевангелие. СПб., 1995. С. 133.

⁷ Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 286. «Своеобразный отклик на эту легенду» исследователь обнаруживает и в романе «Идиот», в рассказе князя Мышкина о солдате, продавшем ему крест (С. 290—291).

⁸ Там же. С. 286.

Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!.. Думаешь ли ты, продавец, что этот полштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел...⁹

Жизненные ситуации, в которых находились Мармеладов и легендарный бражник, действительно сильно различаются. У одного дочь живет по «желтому билету», жена умирает от чахотки, детям нечего есть, другой, как можно понять, всю жизнь свою ни в чем не нуждался, а потому и провел ее, веселясь и пируя. В этом отношении особое полемическое значение приобретает слово «веселье» («Ибо не веселья жажду», — говорит Мармеладов), которое акцентирует К. Аксаков. К середине 1860-х годов, когда шла работа над «Преступлением и наказанием», Достоевский, как известно, значительно снизил интенсивность своей полемики со славянофилами. Но вполне вероятно, что аксаковское утверждение радости и веселья в тот момент могло не найти сочувствия у Достоевского, подчеркивавшего в своем романе ценность страдания. В пользу этого предположения говорит следующая характеристика славянофилов, сделанная Достоевским в записной книжке 1863—1864 годов:

Славянофилы, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное (XX, 179).

«Сходясь с легендарным бражником в том, что именно высший суд — суд Христа — оправдывает его, герой Достоевского считает, что не уверенность в своей правоте, а полнота сознания своей греховности спасет подобных ему “падших” людей»¹⁰. В этом отличии Мармеладова от бражника, «воспетого» Аксаковым, также можно увидеть намек на славянофилов, чьи высокомерные суждения о всей послепетровской жизни в разнообразных ее проявлениях, вклю-

⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 6. С. 20—21. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома — римской и страниц — арабскими цифрами.

¹⁰ Лотман Л. М. Указ. соч. С. 289.

чая литературу, не раз вызывали возражения Достоевского. Прочитав опубликованную посмертно статью Аксакова в славянофильской газете «День» (1861. № 1), Достоевский в одном из своих журнальных выступлений отметит чересчур критичное, можно сказать, горделивое отношение почившего автора к русской литературе, на которую тот смотрел «враждебно-скептически», «с улыбкой свысока-оскорбительной». «Даже если б он был прав совершенно в суждении своем, — говорит Достоевский об Аксакове, — то легкость, скептицизм статьи, это самообожание в величавом отделении себя от всего с ним рядом живущего, этот презрительный взгляд, скользящий сверху и не достаивающий ничего оценить, — уж одно это было бы в высшей степени бессердечно и легкомысленно» (XIX, 62). Позднее, в период работы над романом «Бесы», эти впечатления писателя выльются в лаконичную фразу, оставленную среди многочисленных черновых набросков:

Славянофилы — барская затея (XI, 64).

В противоположность герою древнерусской повести, с мастерством блестящего ратора доказывающему свое право на пребывание в раю, Мармеладов у Достоевского, как уже говорилось, смиренно сознается в своих грехах, что, как он надеется, и спасет «пьяненьких»¹¹ на Великом Суде. «Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, — отвечает устами Мармеладова своим святым Бог, — что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» (VI, 21). Таким образом, коренное различие в поведении двух героев может объясняться не только полемикой Достоевского с идеями славянофилов, но и его отношением к самим славянофилам, которые, по мнению писателя, излишне строго судили об окружавшей их русской жизни. Иначе говоря, в этом художественном эпизоде раскрывается отношение Достоевского к славянофилам — таким, каким оно было в 1860-х годах, о чем мы привыкли судить по статьям и записным тетрадям Достоевского.

Большее сходство со взглядами К. Аксакова обнаруживает роман «Братья Карамазовы», где описано чудо,

¹¹ Важно отметить, что роман с таким названием входит в число несуществующих замыслов Достоевского 1864—1865 годов.

совершенное Христом в Кане Галилейской. Об этом деянии Христа, как известно, рассказывается в Евангелии от Иоанна (Ин. 2:1—12).

По свидетельству Евангелиста, это было первое чудо, которое сотворил Господь, вступив в дело Своего общественного служения, с целью явить славу Свою, как Сына Божия, и утвердить в вере в Себя Своих учеников¹².

Христос пришел на свадьбу «как обычный человек, как знакомый, по обычаю гостеприимства»¹³, чтобы участвовать в веселье людей. Когда кончается вино, Он превращает воду в вино. «Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... — думалось Алеше Карамазову. — “Кто любит людей, тот и радость их любит...” Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была...» (XIV, 326). Слова «радость» и «веселье», характерные для цитированной статьи К. Аксакова, играют роль смыслового центра в мистическом видении Алеши:

...Радость, радость каких-нибудь бедных, очень бедных людей... Уж конечно, бедных, коли даже на свадьбу вина недостало... <...> И знало же другое великое сердце другого великого существа, бывшего тут же, матери его, что не для одного лишь великого страшного подвига своего сошел он тогда, а что доступно сердцу его и простодушное немудрое веселие каких-нибудь темных, темных и нехитрых существ, ласково позвавших его на убогий брак их. «Не пришел еще час мой», — он говорит с тихой улыбкой (непременно улыбнулся ей кротко)... В самом деле, неужто для того, чтоб умножать вино на бедных свадьбах, сошел он на землю? А вот пошел же и сделал же по ее просьбе... (XIV, 326)

«Радостный и тихо смеющийся» старец Зосима говорит, указывая на Христа:

Страшен величием пред нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут... (XIV, 327).

¹² *Аверкий*. Указ. соч. С. 133.

¹³ Там же. С. 131.

В приведенных фрагментах Достоевский предельно близок к комплексу религиозно-этических идей К. Аксакова, его пониманию светлого, радостного характера христианства.

Здесь мы становимся свидетелями еще одного не менее важного случая переключки между Достоевским и славянофилами, ранее не отмеченного комментаторами. Над вышедшим из кельи Алешей «широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд» (XIV, 328). Эта картина представляет собой реминисценцию из стихотворения А. С. Хомякова «Широка, необозрима...», опубликованного в 1858 году на страницах той же самой «Русской беседы». Вероятность простого совпадения, случайного подбора слов исключается смысловой близостью двух текстов, прозаического и поэтического, в каждом из которых говорится о великих событиях в земной жизни Христа. В стихотворении Хомякова за основу взят евангельский рассказ о торжественном въезде Господа в Иерусалим, откуда Ему навстречу:

Широка, необозрима
Чудной радости полна
.....
Шла народная волна¹⁴.

В праздничной толпе особняком стоял книжник, который спрашивал находившихся рядом с ним людей:

Это ль царь ваш? слабый, бледный,
Рыбаками окружен?
Для чего он в ризе бедной?
И зачем не мчится он,
Силу божью обличая,
Весь одеян черной мглой,
Пламенея и сверкая,
Над трепещущей землей?¹⁵

Эти строки несут в себе мысль о кенозисе Христа, Его умалении и снисхождении к людям в уязвимой телесной оболочке. Как замечает В. А. Котельников, «мотив кенозиса играет исключительно важную роль у Достоевского.

¹⁴ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 142.

¹⁵ Там же.

Он напряженно переживается и осмысливается в религиозном и этическом планах, пронизывает весь художественный мир писателя, придавая ему всецело христоцентрический характер...»¹⁶ Унижения, которым подвергается Зосима, сомнения в его святости заставляют провести параллель со страданиями Христа и Его образом в стихотворении Хомякова. Ранее уже говорилось, что «для Достоевского, как и для Хомякова... в том, что делает Иисус Христос, важно адресованное людям предложение любовного и свободного принятия Истины»¹⁷. Возможность «свободного принятия Истины», не основанную на физическом могуществе и силе, как раз и предоставляет людям старец Зосима. Следует также отметить, что сборник «Стихотворения А. С. Хомякова» (М., 1861; 2-е изд. — М., 1868), в состав которого вошло стихотворение «Широка, необозрима...», имелся в библиотеке Достоевского¹⁸.

Интересно, что в своей статье о бражнике К. Аксаков также обращается к авторитетному мнению Хомякова. «Здесь не можем не припомнить, — пишет Аксаков, — чрезвычайно верного и глубокого объяснения, сказанного А. С. Хомяковым, объяснения, почему св<ятой> Владимир не принял магометанства. “Руси есть веселие пити, — сказал Владимир проповедникам Магомета, — мы не можем быть без того”. <...> Отречение от плода земного, “веселящего сердце человека”, есть в то же время отречение от дара Божия, от веселья в жизни»¹⁹.

Эта и другие работы Аксакова в идейном и духовном отношении были тесно связаны с оформившейся в конце 1850-х годов славянофильской концепцией положительного направления, которая, по мнению исследователей, является «самым значительным достижением теоретико-литературной мысли славянофилов в период издания “Рус-

¹⁶ Котельников В. А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 194.

¹⁷ Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2006. С. 185.

¹⁸ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 98.

¹⁹ Аксаков К. С. Указ. соч. С. 415.

ской беседы»²⁰. Суть идеи — в любовном, сочувственном изображении русской действительности, на которую бы «мы могли взглянуть... с полным беспристрастием, — не превеличивая, ради эстетического наслаждения и патриотического чувства, ее хороших сторон, и не скрывая дурных»²¹. Наиболее полно позитивная программа славянофилов была представлена в статье тогда еще студента Московской духовной академии, впоследствии известного богослова и историка Церкви, А. М. Иванцова-Платонова²² — «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе». В какой мере славянофильские представления о «положительной» литературе соответствовали реальности, можно судить по дальнейшему развитию русской литературы, романам «Дворянское гнездо», «Война и мир», «Братья Карамазовы»²³. «Русский реализм, — определяет его В. Н. Захаров, — не был критическим. Русская литература не столько отрицала — она утверждала положительные начала, она была литературой великих идей, великого идеала»²⁴.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этой концепции славянофилов, обратимся к ее христианским основам, которые могли бы привлечь Достоевского.

Размышляя над проблемой соотношения национально-искусства и религии, Иванцов-Платонов писал:

²⁰ Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830—1850-е годы). М., 1978. С. 286.

²¹ А. И — Ц. <Иванцов-Платонов А. М.>. О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе // Русская беседа. 1859. Кн. XIII. № 1. Критика. С. 1.

²² «Не во всем был он со славянофилами согласен, но их соединял и роднил этот дух светлой и свободной веры, этот пафос христианской свободы и христианского просвещения», — характеризует Иванцова-Платонова о. Георгий Флоровский. См.: Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 338.

²³ Другое дело, что эти произведения, как и сам жанр романа, не нашли полного одобрения у славянофилов.

²⁴ Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 6.

Можно... иметь самый высокий идеал о жизни, и в то же время любить и уважать действительность жизни, хотя и не соответствующую этому идеалу. И это тем более должно иметь место в Русском духе, если справедливо, что образованию в нем высокого идеала способствовала Христианская религия (в некоторых чертах, усвояемых ему, нельзя не видеть ее влияния). Возвышаться над действительностью жизни, стремиться к высшему идеалу, и в то же время снисходительностью и любовью смотреть на жизнь и людей — именно в духе Христианской религии²⁵.

Добавим — и в духе Достоевского, умевшего находить даже в самых своих невзрачных и униженных героях внутреннюю красоту. Если взглянуть на Достоевского и К. Аксакова, обнаружатся все новые и новые точки соприкосновения. Об этом свидетельствуют хотя бы такие их высказывания, повторяющие центральную мысль Иванцова-Платонова. «Жизнь частная, общественная и народная, — говорит Аксаков в одной из своих рукописных работ, — никогда не может достигнуть в себе истины, но может и должна ее достигать. Народ не может быть совершенным, но может иметь совершенные начала, признаваемые им постоянно за закон. Праведника безгрешного нет на земле, но есть чистый, безгрешный путь... Вся сила в пути, вся сила в том, что ставит человек себе законом»²⁶. Известные слова Достоевского из записной тетради 1875—1876 годов созвучны мнению Аксакова:

Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса. <...> Идеал дал Христос. Литература красоты одна лишь спасет (XXIV, 167).

Убеждение в этом побудило Достоевского откорректировать направленность и эмоциональное содержание своих произведений. Испытав в ранней молодости влияние натуральной школы, унылая тональность которой ощутил даже в «Преступлении и наказании», с годами Достоевский пришел к качественно иному мировосприятию. «При совершенно объективном анализе произведений Достоев-

²⁵ А. И — Ц. <Иванцов-Платонов А. М.>. Указ. соч. С. 28.

²⁶ Цит. по: Анненкова Е. И. Архив К. С. Аксакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 13.

ского, — справедливо пишет финский исследователь Оскар фон Шульц, — таких примеров светлого, жизнерадостного отношения к жизни мы можем найти у него гораздо больше, чем примеров мучительного, болезненного торжества злобы и ненависти. И если, несмотря на это, на Достоевского установился взгляд противоположного характера, то тут, безусловно, виновато сильно предвзятое отношение к нему»²⁷. Под этими словами мог бы поставить свою подпись и теоретик положительного направления протоиерей А. М. Иванцов-Платонов, который по прочтении «Братьев Карамазовых» ощутил необходимость выразить их автору «чувства — благодарности, любви, радости». «Никогда еще ни одному из поэтов и романистов русских (кажется — и иностранных), — писал Иванцов-Платонов, — не приходилось так глубоко касаться высших сторон духовной жизни и так сердечно освещать нас нравственно-христианской идеей, как Вы это делаете в своих произведениях»²⁸.

Итак, статья К. Аксакова о бражнике, как удалось выяснить, послужила одним из источников для второй главы «Преступления и наказания», где также своеобразно сфокусировалось отношение Достоевского к славянофилам, отраженное в его публицистических статьях и дневниковых записях 1860-х годов. Изменение взглядов писателя на славянофильство сказалось и на поэтике его романов, что подтверждает обнаруженная в «Братьях Карамазовых» реминисценция из стихотворения Хомякова. Если в первом романе «великого пятикнижия» славянофильские представления о характере христианства подвергаются переоценке, то в «Братьях Карамазовых» Достоевский уже не спорит, а, напротив, солидаризируется со славянофилами в этом важном для обеих сторон вопросе.

²⁷ Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск, 1999. С. 145.

²⁸ Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Вып. 10. С. 226.